УДК: 316.42(94)''1917/2017'' DOI: 10.22394/2071-2367-2017-12-6-212-218

1917-2017: УРОКИ СТОЛЕТИЯ ДЛЯ РОССИИ И МИРА

Лобанов К.Н., Брагин А.А[1.1]

В сознании россиян 1917 год связывается прежде всего со столетием Февральской революции и последующими за ней октябрьскими событиями. И не случайно. Ведь тысяча девятьсот семнадцатый справедливо считается переломным моментом новейшей истории, после которого Россия и мир уже не могли быть прежними и начали развиваться по новой социальной траектории. Многие государства под влиянием идей русского революционизма и практики постреволюционной модернизации развернулись от дикого капитализма к социально- ориентированной экономике, отказались от авторитаризма и формальной демократии в пользу открытой и диверсифицированной системы власти и управления, перестали подавлять личность и предоставили людям больше прав для самореализации. Все это стало возможным благодаря глубокому осмыслению русского опыта, его творческой переработке в сферах экономического моделирования, государственного строительства и социальных взаимоотношений

Ключевые слова: революция, постреволюционная модернизация, исторический опыт, Россия, мировое сообщество.

1917–2017: LESSONS OF THE CENTURY FOR RUSSIA AND THE WORLD

LOBANOV K.N. – Doctor of Political Sciences, Docent, Belgorod Law Institute of Internal Affairs of the Russian Federation named after Putilin I.D. (Russian Federation, Belgorod), e-mail: lobanov-pol@yandex.ru

BRAGIN A.A. – Candidate of Sociological Sciences, Docent, Associate Professor, Department of Administrative Law and Process, Belgorod National Research University (Russian Federation, Belgorod), e-mail: bragin_alek@mail.ru

In the minds of Russians, 1917 is associated, first of all, with the centenary of the February revolution and the subsequent October events. And it is not by chance. After all, Nineteen seventeen is rightly considered a turning point in modern history, after which Russia and the world could no longer be the same and began to develop along a new social trajectory. Many states, under the influence of the ideas of Russian revolutionism and the practice of post-revolutionary modernization, developed from wild capitalism to a social oriented economy, abandoned authoritarianism and formal democracy in favor of an open and diversified system of power and government, ceased to suppress the person and gave people more rights for self-realization.

Keywords: revolution, post-revolutionary modernization, historical experience, Russia, the world community.

Лобанов Константин Николаевич – доктор политических наук, доцент, Белгородский юридический институт Министерства внутренних дел России имени И.Д. Путилина, адрес: 308019, Россия, г. Белгород, ул. Горького, д. 71, e-mail: lobanov-pol@yandex.ru

Брагин Александр Александрович – кандидат социологических наук, доцент, Белгородский государственный национальный исследовательский университет, адрес: 308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, д. 85, e-mail:bragin_alek@mail.ru

Глядя с высоты текущего дня на минувшее, трудно дать однозначный ответ на поставленные выше вопросы. Вероятно, правильнее было бы сказать, что что-то россияне усвоили и извлекли из своего прошлого, а что-то –нет. Да и вряд ли за сто лет – по историческим меркам ничтожный срок – можно было целиком «переварить» всю эту глыбуисторического наследия, чтобы потом спокойно произвести селекцию рациональных и позитивных сторон от одиозных, а затем плавно инкорпорировать их в свое социальное бытие. У россиян на это просто не было времени, ведь весь постреволюционный период новейшей нашей истории страна либо воевала, либо готовилась к войне, сама находясь в перманентном состоянии незатухающего гражданского противостояния в тех или иных его формах. Весь этот опыт глубоко выстрадан и переживаем народом до сих пор. Можно сказать, что россияне только совсем недавно стали уходить от начальной, чувственной стадии отражения событий 1917 года, когда sensusперестали возобладать над ratio. Тем не менее, несмотря на экстремальность условий бытия и остротувосприятия и оценки прошлого в национальном коллективном сознании, российскому социуму удалось, на наш взгляд, постичь главные максимы, всеобщие жизненные правила своего дальнейшего существования с опорой на предшествующий опыт развития. Хотя и не в полной степени, как уже отмечалось.

Так, например, мало кто в российском обществе сомневается в том, что очередная социальная революция для нашей страны противопоказана. Люди понимают в силу именно исторического опыта, что новые рукотворные катаклизмы приведут к гибели нацию и государство, а техногенные факторы современности могут придать этому процессу глобальный размах. Россияне, можно сказать, выработали иммунитет к революционности. Иначе чем объяснить тот факт, что в 1991 и 1993 годах подавляющая часть граждан не позволила вовлечь себя в очень опасное противостояние властей, а в наши дни категорически не желает пополнять протестную массу, достаточную для запуска в России очередного «цветного» проекта. В то же время мы видим, что в стране существует немало факторов, прямо или подспудно вызывающих недовольство людей. Прежде всего это разительноеимущественное расслоение, фактическое правовое неравенство, дефицит справедливости в обществе, слабая система социальной защиты, бедность значительной части населения. Вкупе эти неблагоприятные социальные явления свидетельствуют об относительном регрессе общественной системы и архаизации структуры общества, ведут к возрождению давно изжитых в мире классовых подходов и принципов социальной жизни. Обращаясь к событиям начала XX столетия, можно сказать, что череда российских революций как раз была вызвана резкой социальной дифференциацией, которая возмущала подавляющую часть общества, поднимая ее против остальной части общества[1]. Непонимание или игнорирование этого исторического опыта есть прямой путь к социальной турбулентности и катаклизмам. Отсюда видится один из главных уроков 1917 года: само общество и особенно избыточно богатая часть его не должны провоцировать революции поощрением и консервацией резких имущественных и иных социальных диспропорций. Наоборот, нужно работать над тем, чтобы диспропорции общественного развития могли быть сглажены.

Однако эти диспропорции никогда не будут нивелированы сами по себе, ибо, насколько трудно отдельному человеку психологически расстаться с обладанием части богатства в пользу ближнего, настолько же проблематично это для целых социальных страт. Значит должна быть

[1]. О социальной несправедливости как причине русских революций писали все отечественные мыслители XX столетия. Например, см.: Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – Москва: Наука, 1990; Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000; Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993 и другие.

некая сила, способная инициировать определенные поведенческие программы на макроуровне, стимулировать или принуждать к следованию им большие массы людей. Такой силой является государство. Обладая механизмами суверенной власти, эта политическая организация задает курс движения всему обществу в выбранном направлении. Например, так называемое «социальное государство» проводит политику перераспределения материальных благ в соответствии с принципом социальной справедливости ради достижения каждым гражданином достойного уровня жизни, сглаживания социальных различий и помощи нуждающимся. При таком подходе со стороны власти общество начинает осознавать и ценить преимущества социального мира, активизирует свои солидаристские и интеграционные возможности, становится малочувствительным к радикальным идеям и их носителям. Напротив, классовое государство оберегает традиционный порядок асимметричного распределения материальных и социальных ресурсов в обществе. Большинство населения воспринимает такой уклад как несправедливый, социум раскалывается, и часть его поднимается на протест, создавая революционную ситуацию. В случае же успеха революции или переворота вместе с социальным порядком сметается и защищавшая его государственная власть, начинаются «окаянные дни»[1]. Такие вот простые в доктринальном смысле, но, к сожалению, весьма сложно постигаемые в социальной практике причинно-следственные связи - это тоже бесценный исторический опыт. Его суть состоит в том, что современное государство по своей природе и сущности может быть только общесоциальным, но никак не классовым. Это почти аксиома нынешнего бытия, ибо не нужно доказывать то, что государственная власть становится полноценно легитимной лишь в случае признания ее широкими массами народа, равно как и то, что стабильность в обществе напрямую зависит от способности государства выполнять социальную функцию.

Безусловно, если государство не желает революционных потрясений, то оно должно быть не только социальным, но еще и сильным. Ведь советская государственность была общенародной, но не смогла уберечь страну от эрозии и развала. Несравнимо более слабыми были власть Временного правительства и царский режим. Последний разложился настолько, что, по словам политического деятеля начала XX столетия Василия Шульгина, «…не нашлось и батальона солдат для защиты трехсотлетней монархии»[2]. Сегодня, когда по миру катится волна «цветных» революций[3], безжалостно сметающая нестабильные, внутренне непрочные режимы власти, это назидание прошлого приобретает особенно актуальный смысл.

Еще бóльшую остроту последний тезис имеет для многонациональных, сложносоставных государств. Для таких систем эпоха революций и войн всегда становится суровым тестом на выживаемость. В период спокойного экономического развития и роста национальные проблемы внутри страны обычно не проявляют себя активно. Однако стоит центральной власти претерпеть потрясения, как окраины уже заявляют о своем суверенитете, объявляют о сецессии и т. д. Так не выдержали проверку стрессом Российская, Австро-Венгерская и Османская империи. Распад этих супердержав XX столетия – прямое следствие революционных событий и небывалого в истории всплеска национализма. Вместе с тем постимперская суверенизация, как правило, не приносит бывшим национальным окраинам очевидных преимуществ. Более того, многие из них (за редким исключением) становятся не

[1] Революционный хаос и террор в России реалистично описал Нобелевский лауреат по литературе И.А. Бунин. См.: Бунин И.А. Окаянные дни. – М.: Издательство «АЗЪ», 1991.
[2] Шульгин В.В. Дни. Россия в революции 1917. – Санкт-Петербург: Питер, 2015. – С. 214.
[3] См.: Лобанов К.Н. Хибридне и «обојене» технологије као претња националној безбедности//Политика националне безбедности. The Policy of National Security. –Београд: Институтзаполитичкестудије– 2015. – №2. – ЛЛ 85–100.

способными поддерживать собственную государственность из-за слабости экономической базы, отсутствия традиций державности, междоусобных конфликтов. Среди этих failedstates начинается процесс обратной кристаллизации вокруг одного центра притяжения и силы. Большинство окраин бывшей царской России сплотились в 1922 г. вокруг Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в новое государство –Союз Советских Социалистических Республик. То же самое осуществили югославянские осколки рухнувшей Дунайской империи, потянувшиеся, как шарики ртути к сербскому государству и создавшие все вместе Королевство Сербов, Хорватов и Словенцев в 1918 г. (позже – Королевство Югославия, затем – Социалистическую Федеративную Республику Югославия). Обе федерации – и советская, и югославская –строились на новой идеологической основе и, казалось бы, должны быть более монолитными, чем прежние супергосударственные образования имперского периода. Однако вирус национализма, вызванный к жизни революционными катаклизмами начала XX столетия, оказался сильнее и живучее коммунистической доктрины[1]. Социалистические федерации не выдержали нового натиска националистического революционаризма и стали стремительно рассыпаться. Все повторилось вновь и с неизмеримо бóльшими утратами. В итоге югославской и чехословацкой федерациям возродиться было не суждено, а Россия, пережившая в 1991–2001 гг. состояние политического и экономического полураспада, сегодня с большим напряжением восстанавливает внутриинтеграционное пространство. Но и эти попытки в конечном счете будут обречены на провал, если в коллективном сознании народа не утвердится представление об исчерпаемости лимита революций для России. Потому что очередная революционная встряска для нашей страны однозначно приведет к новому взрыву национализма и сепаратизма, что будет означать гибель федеративного государства. Прервать этот полный страданий circleofsansára– в силах общества и власти. При условии, конечно, что они уяснят свои прошлые просчеты.

Размышляя о периоде революций и войн в новейшей истории России, нельзя не упомянуть о роли человеческого фактора в ходе социальных потрясений и перемен. Наряду с общественным и институционально-политическим измерениями этот срез анализа заслуживает не меньшего внимания. Как показывает пережитое, люди участвуют в революционных и постреволюционных событиях под воздействием определенных идеологий, побуждаемые заинтересованными политическими организациями. В зависимости от содержания доктрин и политического руководства, l'hommerévolté[2] становится либо деструктивной, либо конструктивной силой социальных изменений. Так, человек-разрушитель был востребован «майданной», «оранжевой», «бульдозерной» и всякого рода иными «цветными» революциями. Однако никакой созидательной деятельности масс «цветные» идеологии не предполагали, поэтому человек-творец оказался не нужен. И, напротив, вспомним, как под влиянием коммунистической идеологии советский человек-ниспровергатель всего старого превратился в строителя и защитника своей обновленной великой страны. Не хочу, чтобы меня поняли превратно, я вовсе не призываю реанимировать монополию марксистско-ленинского учения в своем или в чьем-либо еще обществе. Вместе с тем мы отчетливо видим в окружающем нас пространстве, к чему приводит идеологический вакуум. Сегодня перед российским обществом и властью стоит задача начертить контуры новой национальной идеи, которая несла бы в себе созидательный смысл и могла бы сплачивать людей. Базовыми концептами нарождающейся

[1] Подробно об этом см.: Лобанов К.Н. Балканы и Србија у фокусу геополитичких интереса светских лидера у најновијој историји/ Србија и политика великих сила 1914-2014. Књ. 6. – Београд: Институт за политичке студије, 2014. – ЛЛ. 261–277.

[2] См.: Камю А. Бунтующий человек. – М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1999.

идеологии станут гражданственность, государственность, патриотизм, сопричастность к великой национальной культуре и героическому прошлому народа. Об этом сейчас все настойчивее задумываются и говорят простые россияне и представители властных структур. Если такая идеологическая система будет предложена и принята общественным большинством на уровне сознания и практики, то в российском социуме весьма затруднительно будет устроить rebelión de las masas[1], а Человеку не придется делать мучительный для него выбор между социальной организацией и дезорганизацией.

Важной духовной составляющей жизнедеятельности личности и общества всегда была вера. Многие столетия православие придавало русскому человеку и всему православному миру осмысленность существования и создавало необходимую для социального творчества внутреннюю энергетику. Атеистическая власть, отвергавшая Бога и устроившая гонения за веру, посеяла смятение в душах людей и затем принялась культивировать новые духовные начала, впоследствии оказавшиеся нежизнеспособными. Равно как и сегодня захлестнувшая Запад неолиберальная волна вымыла из голов и сердец людей всякую духовность, этику и вообще представления о традиционных устоях человеческого общежития. Взамен индивиду предлагаются эгоцентризм, потребительство, гедонизм, доведенные уже до абсурда идеологемы про субъективные права и личную свободу. Это путь гибельный, ибо он ведет к одичанию и вырождению. Больно осознавать, что подобные мировоззренческие концепции и вырастающий на их основе modus vivendi уже глубоко пустили корни в значительной части российского общества. Не следствие ли это нашего прежнего революционного радикализма, богоборчества и последующих экспериментов по социальной инженерии? Всякие ли социальные изменения обязательно должны влечь за собой ниспровержение традиционных жизненных устоев общества, в том числе и его духовных оснований? Вероятно, это еще одна универсалистская энигма новейшей истории, которую предстоит расшифровать не только нашему народу, но и всему человечеству.

Именно исходя из глобальных, общечеловеческих принципов сосуществования (homo - mensura), всемирному социуму стоит поразмыслить и над более масштабной проблемой о гуманистическом содержании тех или иных способов осуществления социальных изменений. Гуманны ли по своей сути социальные революции? Единственный ли это для субъекта переустройства путь исправления не удовлетворяющей его действительности? Российский опыт XX столетия свидетельствует о том, что нет. Колоссальная по разрушениям и людским страданиям Гражданская война в России 1918–1922 гг., триггером которой как раз послужили Февральская и Октябрьская революции, была антигуманной. Как антигуманными по своему содержанию были и сами революции, ее породившие. Вождь российского большевизма Владимир Ленин, проводя параллель между русской революцией и Великой французской, утверждал: «Возьмите историю французской революции, увидите, что такое якобинизм. Это борьба за цель, не боящаяся никаких решительных плебейских мер, борьба не в белых перчатках, борьба без нежностей, не боящаяся прибегать к гильотине»[2]. Более бесчеловечными, чем предшествующие, могут оказаться революционные потрясения нынешнего времени. И на это есть свои причины. Во-первых, большинство современных революций постбиполярной эпохи в своей основе имеют не классовую, а этно-конфессиональную напряженность, а такие конфликты, как известно, относятся к самым жестоким и непримиримым формам противостояния сторон. Во-вторых, арсенал средств революционной борьбы расширился настолько, что способен уничтожить не только

[1] См.: Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002.
[2] Цитируется по кн.: Валентинов (Вольский) Н.В. Встречи с Лениным. - Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953.

непосредственного противника, но и в случае неуправляемости ситуации и все человечество. В-третьих, революции нового века имеют другой формат, они довольно легко преодолевают локальные рамки и охватывают целые географические регионы, из-за чего зона социальной деструкции расширяется, а степень применения коллективного насилия возрастает мультипликативно. Осознавая подобные риски и угрозы глобальной стабильности, человеческая популяция должна стремиться к поиску и нахождению альтернативных и более гуманных, чем революционный, способов изменения социального бытия. Такие способы в начале XX столетия уже начинали применяться в мировой практике. Например, в политике отчетливым выражением эволюционной стороны процесса социального развития являлась социал-демократическая традиция, в хозяйственной жизни – конвергентная модель экономики, в идеологии – солидаристская и реформистская парадигмы. Государства, использовавшие эти инструменты плавного, органичного социального конструирования, в итоге оказались в выигрыше, в отличие от тех, которые предпочли двигаться к прогрессу методом разрывов и рывков[1]. В наши дни перед российским обществом и государством, равно как и перед другими молодыми демократиями, императивно стоит задача придерживаться эволюционного пути развития, максимально использовать механизмы самоорганизации и интеграции для достижения социально позитивных результатов. А уроки прошлого на этом трудном и длительном пути должны стать предостережением от ухода с выбранного курса и отторжением соблазна решить проблемы быстро и одним разом.

Революционная тема, безусловно, обширна. Она не исчерпывается обозначенными измерениями: социальные связи – государственная власть – личность человека – глобальное развитие социума. И не заканчивается констатациями. Очевидно одно: ставить крест на русском революционном наследии и на том, что оно означает для самих россиян и для других народов, рано, поскольку не на все вопросы найдены ответы, не весь опыт освоен и не все уроки извлечены. По разным причинам многое еще остается вне объективного, честного и глубокого анализа. И пока этого не произойдет, останется до конца не удовлетворенным главный запрос нашего времени на достижение и сохранение единства общества, на недопустимость гражданских расколов и противостояний, что, в свою очередь, является залогом безопасности и процветания для всего мирового сообщества.

Библиография/References:

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. – М.: Наука, 1990. – 220 с.
2. Бунин И.А. Окаянные дни. – М.: Издательство «АЗЪ», 1991. – 117 с.
3. Валентинов (Вольский) Н.В. Встречи с Лениным. – Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1953. – 370 с.
4. Ильин И.А. Путь к очевидности. – М.: Республика, 1993. – 431 с.
5. Камю А. Бунтующий человек. – М.: Терра-Книжный клуб; Республика, 1999. – 75 с.
6. Коэн С. «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза? – М., СПб.: АИРО-XXI; Дмитрий Буланин, 2007. – 200 с.
7. Мельгунов С.П. Красный террор в России 1918-1923. – М.: Постскриптум, 1990. – 203 с.
8. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. – М.: АСТ, 2002. – 506 с.
9. Розанов В.В. Апокалипсис нашего времени. – М.: Республика, 2000. – 432 с.
10. Стариков Н.В. 1917. Разгадка «русской» революции. - СПб:Питер, 2012. – 416 с.

[1]. В оригинале - «методом разрывов и скачков». См.: Цзэдун Мао. Довести революцию до конца/Избранные произведения. Т.1. - Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1967.

11. Цзэдун Мао Довести революцию до конца/ Избранные произведения. Т.1. – Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1967. – 439 с.
12. Шульгин В.В. Дни. Россия в революции 1917. – СПб: Питер, 2015. – 288 с.
13. Лобанов К.Н. Балканы и Сербја у фокусу геополитичких интереса светских лидера у најновијој историји/ Србија и политика великих сила 1914-2014. Књ. 6. – Београд: Институт за политичке студије, 2014. – 480 л.
14. Лобанов К.Н. Хибридне и «обојене» технологије као претња националној безбедности//Политика националне безбедности. The Policy of National Security. –Београд: Институтзаполитичкестудије. – 2015. – №2.

1. Berdiaev, N.A. (1990) Istoki i smisl russkogo kommunizma [The origins and meaning of Russian communism] – M.: Nauka. – 220 p. (In Russ.)
2. Bunin, I.A. (1991) Okaiannye dni [Cursed days] – M.: Izdatel'stvo «AZ'». – 117 p. (In Russ.)
3. Valentinov (Vol'skii), N.V. (1953) Vstrechi s Leninim [The meeting with Lenin] – N'iu-Iork: Izdatel'stvo imeni Chekhova. – 370 p. (In Russ.)
4. Il'in, I.A. (1993) Put' k ochevidnosti [The way to evidence] – M.: Respublika. – 431 p. (In Russ.)
5. Kamiu, A. (1999) Buntuiushchii chelovek [Rebellious people] – M.: Terra-Knizhnyi klub; Respublika. – 75 p. (In Russ.)
6. Koen, S. (2007) «Vopros voprosov»: pochemu ne stalo Sovetskogo Soiuza? [The main question: Why did not Soviet Union?] – M., SPb.: AIRO-XXI; Dmitrii Bulanin. – 200 p. (In Russ.)
7. Mel'gunov, S.P. (1990) Krasnyi terror v Rossii 1918 – 1923 [The red terror in Russia 1918 – 1923] – M.: Postskriptum. – 203 p. (In Russ.)
8. Ortega-I-Gasset, Kh. (2002) Vosstanie mass [The revolt of the masses] – M.: AST. – 506 p. (In Russ.)
9. Rozanov, V.V. (2000) Apokalipsis nashego vremeni [Apocalypse of our time] – M.: Respublika. – 432 p. (In Russ.)
10. Starikov, N.V. (2012) 1917. Razgadka «russkoi» revoliutsii [The answer of «russian» revolution] – SPb.: Piter. – 416 p. (In Russ.)
11. Tszedun, M. (1967) Dovesti revoliutsiiu do kontsa /Izbrannye proizvedeniia. T.1 [To bring the revolution to the end/ Selected works. Vol.1] – Pekin:Izdatel'stvo literatury na inostrannykh iazykakh. – 439 p. (In Russ.)
12. Sul'gin, V.V. (2015) Dni. Rossiia v revoliutsii 1917 [Days. Russia in the 1917 revolution] – SPb.: Piter. – 288 p. (In Russ.)
13. Lobanov, K.N.(2014) Balkany and Serbs in the focus of the geopolitical interests of world leaders in the latest history / Serbia and the politics of great powers 1914-2014. Book. 6. – Belgrade: Institute for Political Studies. - 480 l.
14. Lobanov, K.N.(2015) Hybrid and "colored" technologies as a threat to national security // National Security Policy. The Policy of National Security. – Belgrade: Institute for Political Studies. – №2.